

**Святитель Иоанн Златоуст, архиепископ
Константинопольский
протоиерей Михаил Дронов**

Учитель пятнадцати веков²

В VI в. константинопольский архиепископ Иоанн, живший за два столетия до этого, получил именование Златоуст (*греч.* CrusTstomoj). Еще позже, в VII в., этот почетный титул сделался неотделимым от его имени, с ним он вошел в историю как Иоанн Златоуст или даже просто – Златоуст.

Эпизод с непризнанным современниками гением очень узнаваем в истории литературы, живописи, музыки нового времени... К Иоанну Златоусту роковая судьба гениальностей не имеет никакого отношения – романы становятся бестселлерами, а картины продаются за астрономические суммы спустя не слишком долгое время после того, как разорился и умер в нищете их автор. Триста лет в современных понятиях – возраст безнадежного антиквариата. Но Иоанна Златоуста и через триста лет читали с таким же пробуждением духа от опасного сна совести, с восторженным замиранием сердца, иногда со слезами, а иногда с невольной улыбкой, – так же, как слушали его толпы, заполнявшие соборные церкви в Антиохии и Константинополе. С таким же негаснущим интересом читали его и через пятьсот, тысячу и полторы тысячи лет.

Немногие ораторы удостоивались признания, закрепленного в почетном прибавлении к имени. Хризостомом (Златоустом) именовался, например, римский оратор и философ Дион (I – нач. II в.). Но слава непревзойденного мастера красноречия, которой окружен христианский учитель, полностью затмила ораторскую славу Диона Хризостома. И если историки и рискуют с кем-то сравнивать Иоанна Златоуста, то лишь с Демосфеном и Цицероном.

Для христиан всех времен, однако, Златоуст неизмеримо больше, чем только талантливый мастер слова. Ему был присвоен редкий титул вселенского учителя, который носят вместе с ним всего три святителя Церкви. Это – его старшие современники Василий Кесарийский (†479), именуемый Великим, и Григорий Назианзин (†489), за которым закрепилось не менее редкое звание Богослов. Классическим образцом для проповедников и истолкователей Библии святитель Иоанн Златоуст стал сразу, практически еще при жизни. Так, преподобный Исидор Пелусиот – сам глубокий философ, аскет и плодовитый писатель – приходил из Египта слушать Иоанна Златоуста и учиться у него красноречию. Авторитет учителя проповедничества, окружавший Златоуста, претерпевал удивительную метаморфозу – чем больше его отдаляло безжалостное

время, тем сильнее он светился из глубины веков. Забывались и теряли свое значение бесчисленные творения византийских писателей, и все заполнял собою Златоуст. Почти через тысячу лет великий завершитель византийской культуры, святитель Григорий Палама (1296-†1359) и в выборе богословской тематики, и в методах истолкования Писаний, и, конечно же, в проповедничестве испытывал непосредственное влияние Златоуста³.

Византийская христианская культура передала отношение к Златоусту как к писателю “номер один” западной и древнерусской культурам. И схоласты, догматизировавшие проповеднические формы, и реформаторы, наоборот, оживлявшие их, видели в нем главный пример для подражания.

В Европе творения Златоуста были известны в многочисленных латинских переводах. И как только в христианском мире появилась славянская письменность, созданная святыми братьями Кириллом и Мефодием в IX в., сразу же вслед за Священным Писанием и текстами богослужений стали переводить на славянский язык творения Златоуста. Это говорит о многом. Именно его беседы наряду с обязательными документами Церкви, Евангелием и богослужебными текстами заложили фундамент необъятной библиотеки чтения “для души”, которую в новое время вытеснила художественная литература, а ту, в свою очередь, во второй половине XX в. серьезно потеснили новейшие средства массовой коммуникации: кино и видео...

В XII в. на Руси получил широкое распространение сборник творений Иоанна Златоуста с завораживающим названием *Златоструй*. В предисловии, которым он снабжен, говорится, что составитель сборника – болгарский царь Симеон (893–927). Некоторые признаки, правда, не позволяют ученым датировать появление известных им редакций сборника ранее XII в.⁴ Но замечателен сам факт – и в XII в. на Руси истоки славяноязычной литературы возводили к Златоусту. Вместе со Златоструем в древнерусскую литературу пришли другие сборники творений святителя Иоанна, такие, как *Маргарит*, *Учительное Евангелие*, содержащее 75 Слов Златоуста на Евангельские чтения, и другие.

Более того, древние книжники Руси сразу же включились в составление сборников, своего рода литературных альманахов. Широко известен *Изборник* Святослава 1076 года, который составил для себя писец Иоанн по типу переписанного им для князя Изяслава болгарского сборника (*Изборник* Святослава 1073)⁵. Как обязательный элемент в *Изборник* вошли извлечения из творений Иоанна Златоуста.

В XVI-XVII вв. на Руси особенно широко был распространен сборник Слов святителя Иоанна, который так и назывался: *Златоуст*. Беседы, вошедшие в этот сборник, даже сделались обязательным элементом богослужения, это были так называемые уставные чтения⁶, которые позже, правда, вышли из практики в связи с активизацией устной проповеди. В основном это были беседы Златоуста на Евангелие, хотя, что примечательно, в сборник вошли также творения и других авторов: Климента Охридского, Серапиона Владимирского, Кирилла Туровского. По мнению составителей этого сборника, авторитетность всех текстов должна была повыситься от того, что автором назван Златоуст.

Творения святителя Иоанна Златоуста неоднократно переводились на церковнославянский, а позже и на русский язык. Наиболее основателен перевод с классического издания патристических памятников (Cursus Patrologiae) французского аббата Миня (1863), сделанный в Санкт-Петербургской академии. Это издание вышло в 1895–1906 гг. в двенадцати томах, каждый из которых составил около тысячи страниц.

Риторическое искусство или служение истине?

Святитель Иоанн получил прекрасное классическое образование. Его рано овдовевшая мать все силы положила на воспитание сына. Антиохия, родина Златоуста, в то время не только фактически была столицей Византийской ойкумены, но являлась ведущим мировым культурным центром. Предметом гордости антиохийцев была процветающая школа риторики языческого софиста Ливания. Иоанн оказался самым его блестящим учеником. Как сообщает церковный историк Созомен (V в.), Ливаний на смертном одре признался, что избрал бы Иоанна своим преемником, если бы его не “похитили” христиане⁷. Надо сказать, что Ливаний был мерилом и каноном античной речи не только для языческого эллинизма, но и для ранневизантийской христианской культуры. Преподобный Исидор Пелусиот, считавший себя учеником Златоуста, в одном из своих писем называет Ливания образцом красноречия вместе со своим учителем.

Ливаний не был простым продолжателем античных традиций. Новое в его красноречии – интимные излияния души. Он бережно заботится о том, чтобы ни одна мелочь из его внутренних переживаний не ускользнула от внимания слушателей. С. С. Аверинцев замечает, что его автобиографическую речь “Жизнь, или о моей судьбе” привлекательной никак не назовешь⁸. Отталкивающее действие в ней производят авторская нежность и почтительность к самому себе, переливающиеся через край. Между тем в ту же эпоху и тот же жанр автобиографии христианские авторы святитель Григорий Богослов (*О моей жизни*) и Блаженный Августин (*Исповедь*) использовали не для самолюбования, а для суда над собой.

В религии Ливаний ценил преимущественно эстетико-культурный пласт. Языческое мироощущение он не отделял от риторико-софистской образованности. Эллинистическое язычество для него было не более чем украшением и облагораживанием муниципального быта, а мифология – не более чем сокровищницей мотивов для риторических упражнений. Между тем христианство, изначально отвергшее мир, впадший в грех и “лежащий во зле”, – как провозгласил это любимый ученик Христов Иоанн Богослов: “Не любите мира, ни того, что в мире” (1Ин 2:15), – отвергло и похоть очей языческой эстетики (1Ин 2:16). Но это не значит, что понятие красоты отсутствовало в христианстве. Красоте в христианстве уделяется места больше, чем в какой-либо иной системе мировоззрения. Но в

отличие от античного отождествления красоты с привлекательностью, пользой, целесообразностью, *истинно красиво* для христианства является то, что прежде всего *истинно*.

Эстетическая окрашенность истины в христианском мироощущении проявилась сразу во всей полноте. Первоверховные апостолы Петр и Павел в своих посланиях дали законченное учение о духовной красоте: “Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы и нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом” (1Пет 3:3; 1Тим 2:9). Впоследствии понятие красоты настолько срослось с понятием духовного, нравственного, что уже в русском языке славянская *доброта*, соответствующая греческому *kalTj* (красивый), из эстетической категории трансформировалась в нравственную категорию блага.

Естественно поэтому, что с самого начала христианство противопоставило развитому в античной риторике вкусу к прекрасному свой литературный принцип, выраженный апостолом Павлом: “И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, а в явлении духа и силы” (1Кор 2:4). Однако в процессе принятия и адаптации Церковью античной культуры, который проходил на протяжении III-IV вв. далеко не безболезненно, проблема прекрасного вновь оказалась значимой для христианского мироощущения. Как отголосок этой, оставшейся в тени тринитарных и христологических споров, нереализованной полемики, в речах Златоуста нередко звучат хотя и спонтанные, но четко сформулированные эстетические суждения. Эталон христианской словесности – Священное Писание – привлекает людей не риторическими находками, музыкальностью стиха или красивой символикой, что ценится в светской литературе, но – содержанием. “Священное Писание, – подчеркивает Златоуст, – не стремится к красоте слов или их сочетаний, оно имеет в себе Божественную благодать, которая сообщает яркость и красоту словам его”⁹. Божественная истина воспринимается не одним только рассудком, она вызывает ни с чем не сравнимое эстетическое удовлетворение как высшая красота.

Красоту слова святитель Иоанн Златоуст в соответствии с христианским мироощущением понимает не как изящное плетение риторических фигур и даже не как глубокие поэтические переживания, передаваемые оратором, но как красоту Истины, выраженной словами человеческого языка. Поэтому неудивительно, что христианскому ритору Златоусту был чужд подчеркнутый артистизм язычника Ливания, чуждо публичное самолюбование учителя, от которого он перенимал секреты

ораторского искусства.

Античная риторика теоретически выливалась в подробно разработанную систему риторических фигур. По наиболее общему признаку все фигуры разделялись на фигуры мысли, передававшие эмоциональное отношение к предмету, и фигуры слова, – результат рационального переосмысления первоначального значения слов и конструирования эпитетов, метафор, символов. Фигуры слова назывались также тропами. Термин *τρόπος* попал в риторику из техники танца, где обозначал танцевальное движение, законченный жест. Один из основных тропов – метафора (*греч.* “перенесение”) одновременно является принципом всех фигур переосмысления. И именно в этой формальной части риторику как систему тропов отверг святитель Иоанн Златоуст. Фигура слова никогда не становится у него самоцельным украшением.

В то же время Златоуст развил арсенал риторических средств, относящихся к коммуникативной функции риторики. Монологическую по форме речь проповедника он по существу приблизил к диалогу. Большинство творений Иоанна Златоуста, донесенных до нас историей, – это отредактированные автором записи стенографов. Поэтому от его *Слов* и *Бесед* веет непередаваемой свежестью живого разговора пастыря с народом. В церковной риторике-проповеди святителя Иоанна Златоуста все подчинено единой цели: донести до сознания народа Благоую весть Христа. Ясно сознаваемая цель определяет все риторические средства Златоуста. Для ее достижения он использует любой повод. Когда министру императора Аркадия, коварному и жестокому временщику Евтропию, державшему в страхе всю страну, изменила удача, то ему, издавшему ранее указ об отмене традиционного убежища преступников у церковного алтаря, ничего не оставалось делать, как для спасения своей жизни прибегнуть именно к убежищу у престола в соборном константинопольском храме. Иоанн Златоуст не преминул по этому поводу произнести назидание, которое оказалось одной из самых блестящих его проповедей. На другой день после бегства к церковному алтарю Евтропия архиепископ Иоанн, взойдя на амвон при громадном стечении народа, велел открыть алтарную завесу и, указывая на жалкого старца, обхватившего колонну сени над престолом, начал беседу словами: “Всегда, но особенно теперь благовременно сказать: суета сует, всяческая суета. Где теперь пышная обстановка консульства? Где блестящие светильники? Где рукоплескания и ликования, пиршества и праздники? Где венки и завесы? Где городской шум и хвалебные крики на конских бегах и льстивые речи зрителей? Все это прошло: вдруг подул ветер и

сорвал листья, обнажил дерево и потряс его до основания с такою силою, что, казалось, вырвет его с корнем и разрушит самые волокна его...”¹⁰ Не все одинаково отнеслись к такой проповеди Златоуста. Были упреки, что несчастье человека он превратил во всенародное зрелище. Быть может, было бы гуманнее скрыть от толпы страдания и страх, объявший вчерашнего повелителя империи. Но Златоуст – врач, который не страшится причинить больному кратковременную боль для окончательного выздоровления. Жалкий, поверженный тиран нуждался и в покаянии, и в милосердии, толпа – в назидании. Всего этого одновременно достигает Златоуст, употребив более чем смелый пастырский прием.

Холодная, сдержанная языческая риторика не могла дать того контакта с аудиторией, который требовался христианскому проповеднику. Речь Златоуста наполняется восклицаниями, вопросами, прямыми обращениями к аудитории. Его беседы сотканы из риторических вопросов и ответов на невысказанные, угадываемые им вопросы слушателей. Златоуст как бы ведет внимание аудитории, то отвечая на ее недоумение, то реагируя на одобрение, то наполняя все пастырской любовью.

В начале своего церковного служения, еще не выработав собственный проповеднический почерк, Златоуст в своих беседах уделял большое внимание догматическим вопросам (*Беседы* против язычников, иудеев, аномеев). Но, как считает русский патролог И. В. Попов, это были ложные шаги таланта, еще не осознавшего свою оригинальность¹¹.

Впоследствии Златоуст включал в свои беседы вероучительные темы, но не они были главным в его проповеди. В историю христианства он вошел как один из основных учителей нравственности. Тем не менее большинство из его творений по форме является истолкованием библейских книг. Поражает фантастическая способность Иоанна Златоуста исчерпывать все мыслимые и немыслимые потенции логического анализа священных текстов и все уровни их понимания. При этом он, как в высшей степени трезвый реалист, идеально уравнивает буквально-логический уровень смысла с нравственным и богословско-символическим иносказательным толкованием текста.

Если красноречию Иоанн Златоуст учился у язычника Ливания, то курс экзегетики и богословия, который он прошел, был не менее рискованным. Его учитель Феодор Мопсуетский известен своими еретическими взглядами. Современный православный патролог протопресвитер Иоанн Мейендорф с удивлением отмечает, что каким-то образом Иоанн сумел избежать тех аспектов учения Феодора, за которое тот впоследствии был осужден как еретик. В христианских вопросах, –

продолжает профессор-протопресвитер, – Иоанн Златоуст не иначе как Духом Святым избегал двусмысленной терминологии, хотя поводов для разного рода христологических оговорок было предостаточно¹². Однако ничего удивительного в этом нет: единственный смысл жизни Златоуста и главный стержень его проповедничества – познание Бога, одно из имен Которого – Истина. Служение Истине, Которой никогда не изменял Златоуст, не только предопределило риторическую форму его речей, но выкристаллизовало его экзегетические методы. В истолковательной методологии Златоуст в IV в. предвосхитил принципы появившегося в XVII и развитого в XX в. библейского богословия. Барт, Кульманн, Бультман и другие герменевты¹³ в середине нашего века провозгласили поиск в Библии истинного смысла богословских понятий и концепций, как понимали их составители библейских книг и их читатели. Но пятнадцать столетий назад именно эту задачу поставил перед собой Златоуст. Исключительный интерес только к тем словам и понятиям, которые есть в Писании, помог ему вообще обойтись без опасного богословского терминотворчества, которое немало гениальных умов привело к столкновению с Истиной. Более того, экзегезу, истолкование Писаний, которая по традиции, восходившей еще к языческой учености, носила форму сложных философских трактатов, Златоуст сближает с другими формами проповеди. У Златоуста истолковательные гомилии были приведены к простоте и ясности мысли и обрели форму, ставшую классической для последующих веков.

Пастырь и отец

С появлением христианства миру был явлен новый тип социальных отношений. Если до IV в., когда христианство было гонимой религией, это еще не было так заметно, то после его официального признания императором Константином в 313 г. явным для всех стало то, что в христианской Церкви взаимоотношения между “низами” и элитой совсем не похожи на взаимоотношения аристократии и черни в ранневизантийском государстве. Замечателен тот факт, что когда в середине IV в. язычество руками императора Юлиана Отступника предприняло последнюю попытку реставрации, то вылилась она в стремление создать некую языческую церковь по аналогии с христианской. Попытка эта, однако, заранее была обречена на провал. Святитель Григорий Богослов сравнивал ее с повторением обезьяной человеческих действий. Язычники, оказавшись в меньшинстве, не составили “гонимой церкви”, внутри которой могли бы объединиться духовная элита и простецы.

В IV в. идеологи язычества свою религию конструировали на основе неоплатонизма. Христианские богословы также переформулировали язык библейского Откровения в философских неоплатонических категориях. Однако, как замечает С. С. Аверинцев, язычники из низов довольствовались привычной обрядностью и попросту ничего не знали, например, о переходе от Единого к Уму, в то время как в христианстве, наоборот, даже вызывало беспокойство епископов то, что невозможно стало купить хлеба или искупаться в банях, не услышав от булочника или банщика суждений о соотношении Ипостасей Отца и Сына¹⁴. Языческие идеологи не только не требовали, скажем, от простого крестьянина знания основных постулатов веры, но у них в мыслях не было допустить чернь до посвящения в “высшее” знание. Но что говорить о простых людях, если такой столп язычества, как Ливаний, не хотел ничего знать о неоплатонической доктрине. Этого невозможно представить в христианстве. Христианские епископы добивались от всех членов Церкви разумного знания своей веры. И наоборот, в христианстве немислим случай, подобный отношению представителя языческих интеллектуалов Ливания к своей религии. В христианской Церкви низы с большой требовательностью следили за чистотой веры духовных вождей.

Апостол Павел в начале 60-х гг. I в. христианской эры в двух своих посланиях несколько раз возвращается к сравнению Церкви с живым

организмом, с телом, Главой которого является Христос, а членами, клеточками, составляющими этот организм, – христиане (Еф 1:22–23; Кол 1:18–24). В соответствии с этим у каждого члена Церкви своя функция, свое служение. “Бог поставил, – писал апостол Павел эфесским христианам, – одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями к совершению святых на дело служения, для созидания Тела Христова...”(Еф 4:11–12).

Руководство Церковью – это не управление начальника подчиненными, это – забота отца о своем семействе, труд пастуха, озабоченного тем, чтобы все овцы стада были сыты, здоровы, в безопасности. Одним из таких пастырей-пастухов Церкви был святитель Иоанн Златоуст.

Смысл пастырства состоит в руководстве духовной жизнью людей, цель – привести их к состоянию духовного совершенства и святости, которая еще на земле делает их участниками Царства Божия и в будущей жизни обеспечит пребывание в Вечной радости со Христом. Жизнь временная для церковного пастырства никогда не является целью, но всегда только средством к достижению блаженной жизни в Вечности. Но и в этой жизни всякий добрый пастырь одновременно – любящий отец, поэтому он всегда на стороне страждущих и униженных. Проф. И. В. Попов подмечает, что всего два слова, случайно оброненные Златоустом, характеризуют его личность не меньше, чем тысячи его гомилий. “Мы – бедные”, – говорит первый иерарх восточной половины Римской империи. Он отождествляет себя не с богатыми, имущими и сильными, а с неимущими и бесправными¹⁵. Примечательно то, что Златоуст проповедовал даже не с епископской кафедры, а с амвона чтеца, стоявшего посреди церкви и окруженного народом.

Златоуст бесстрашно обличал сильных мира сего. Он один среди придворных льстецов не боялся возвысить голос против злоупотреблений временщика Евтропия, он смело обличал аристократию и даже саму императрицу Евдоксию. Но он не боялся также один противостоять страстям толпы. Народ не одобрял того, что Златоуст дал убежище в Церкви всем ненавистному Евтропию, но Златоуст в пощаде врага видел величайшую победу Церкви. Неподкупный и прямой стоял он между угнетателями и угнетенными, и его голос был голосом совести мира. В Константинополе, в последний период своего служения Церкви, он восстановил против себя фактически всю правящую верхушку и аристократию. На его стороне были любивший его народ и небольшой кружок интеллигенции, близкой ему по духу.

Изменилось ли что-нибудь в общественно-политической жизни Антиохии и Константинополя в сторону утверждения справедливости после проповеди Златоуста в этих городах? История не дает поводов для однозначного положительного ответа. Напротив, его проповедь возбудила ненависть власть имущих, и свою жизнь он закончил в несправедливом изгнании, истощенный невыносимыми условиями ссылки. Но его невидимое миру влияние на души людей, преображающее их покаянием, открывающее красоту Божией любви к человеку, было огромно. И это идущее изнутри просвещение людей благодатью Божией, без всякого сомнения, оказывало и продолжает оказывать действие и на общественную жизнь в целом.

Святитель Иоанн Златоуст трезво относился к государственной власти как к выполняющей отрицательную функцию ограничений и регуляции взаимоотношения людей. При этом помехой для осуществления идеала справедливости является греховность носителей этой власти. В беседах на Послание к Колоссянам Златоуст говорит: “Некогда наш город оскорбил императора, и император приказал уничтожить его весь до основания, и мужей и детей, и жилища. Так цари гnevаются! Они пользуются властью как хотят! Таково-то зло власть”¹⁶.

Эйфория от того, что после трех веков гонений во главе государства – император-христианин, не затронула Златоуста. Нигде в его многочисленных сочинениях нет ни тени стремления опереться на власть императора в церковной деятельности. Напротив, он с убежденностью, не допускающей сомнений, утверждал: “Непозволительно христианам ниспровергать заблуждения принуждением и насилием; нам заповедано словом, убеждением и кротостью совершать спасение людей”¹⁷. Осмысливая с христианской точки зрения деятельность людей в этом мире, Златоуст не отвергает достижения цивилизации как заведомое зло. Собственность и богатство не являются злом сами по себе. Суждения о социально-экономических механизмах общественной жизни, высказанные христианским мыслителем IV в., в чем-то созвучны сегодняшним поискам рациональных экономических моделей. Святитель Иоанн Златоуст уверен, что богатый не должен смотреть на свое имущество как на личную собственность, с которой он может поступать исключительно по своему усмотрению. Богатый должен сознавать себя только лишь хранителем и распределителем казны, вверенной ему Богом для того, чтобы он тратил ее не на свое удовольствие, но для справедливого распределения на нужды бедных братьев. По учению Златоуста, в идеальном христианском обществе не должно быть никакого неравенства. “У животных все общее:

земля, источники, пастбища, горы, леса, и ни одно из них не имеет больше другого. У людей также общая природа, общая участь, общее небо, луна, воздух, море, общие также духовные блага. Поэтому, – заключает Златоуст свои слова, – не безумно ли тем, которые имеют между собой столько общего – и природу, и благодать, и обетования, и законы, – быв причастными к богатству, не соблюдать в этом равенства, но превосходить свирепость зверей”¹⁸.

Слова Златоуста, направленные в IV в. против бессмысленного накопления богатства, особенно актуально звучат сегодня, когда экстенсивная эскалация материального прогресса привела к экологическому кризису. “Хотел бы я узнать, – говорит он, – зачем люди так много заботятся о богатстве, ведь Бог назначил природе меру и границы, чтобы мы не имели никакой необходимости искать богатства. Он повелел, например, одевать тело одной или двумя одеждами, а затем лишняя не нужна для защиты тела. Для чего же тысячи одежд – эта молеедина? Положена также и мера в принятии пищи, и употребленное выше этой меры необходимо вредит всякому живому существу; для чего же эти стада, пастбища и скопление мяса? Нам нужен только один кров, для чего же эти хоромы, эти многоценные жилища?”¹⁹ Что бы сказал проповедник о сотнях тысяч тонн металла, выплавляемого на душу населения сегодня, и миллионах киловатт-часов электроэнергии, которые вырабатываются на каждого живущего на земле... Поистине уже не человек владеет материальным богатством, а оно сделало его своим рабом, заставляя бессмысленно воспроизводить в фантастических размерах то, чем человек уж никак физически не может воспользоваться. Поистине богатство уже само воспроизводит себя, сделав человека своим придатком, используя ум и руки человека как орудие, как средство. Более того, это чудовище дает человеку взамен лишь отравленный воздух, мертвую пустыню на месте цветущих полей и лесов, болото на месте морей, губительную радиацию и ядовитую пищу...

Став в 398 г. главой Константинопольской Церкви, святитель Иоанн получил возможность вполне осуществить евангельское учение о предназначении материальных ценностей. Хозяйственный механизм архиепископии во время его предшественника Нектария, любившего великолепие и пышность в убранстве храмов, отчасти утратил евангельскую простоту. Новый архиепископ переориентировал его исключительно на благотворительную деятельность. Златоуст продал в пользу бедных церковные сосуды и драгоценный мрамор, приготовленный его предшественником для церкви Анастасии. Он посчитал возможным

завещанное Церкви имущество употребить на благотворительность. Впоследствии, однако, это было поставлено ему в вину его врагами. Златоуст считал Церковь той силой, которая единственно способна сгладить и утешить страдания, причиняемые мирской властью или по необходимости, или вследствие злоупотреблений. Поэтому по отношению к мирским структурам власти Церковь имеет двойную задачу: во-первых, утешать наказанных и обиженных и, во-вторых, обличать, обращаться к совести носителей власти, если они злоупотребляют своим положением. Через два года после посвящения Иоанна в сан пресвитера он на деле показал призвание Церкви в мире. В Антиохии в связи с объявлением нового налога произошел народный бунт и были низвержены с пьедесталов царские статуи. Город затаился в томительном ожидании самой жестокой расправы. Пресвитер Иоанн, выступавший тогда еще только как один из представителей духовенства, фактически взял под защиту жителей города. Престарелый епископ Антиохийский Флавиан, опережая гонцов градоначальника, поспешил в столицу, чтобы умолять о пощаде. В эти дни страха и ожидания жестоких кар Иоанн сделался поистине ангелом-хранителем города. Он произнес 21 “Беседу о статуях”, в которых ободрял жителей, настраивал их на молитву и покаяние.

Социальные обличения Златоуста усиливались от того, что он сам вышел из аристократической среды и хорошо знал быт высших слоев общества, идеалы и предрассудки этого круга. “Для чего, скажи мне, – обращался он с уничтожающим обличением к богатым прихожанам, – ты носишь шелковые одежды, едешь на златосбруйных конях и украшенных лошадях. Лошак украшается снизу, золото лежит и на покрывале его. Бессловесные лошаки носят драгоценности, имея золотую узду. Бессловесные лошаки украшаются, а бедный, томимый голодом, сидит при дверях твоих и Христос мучается голодом”²⁰. “Когда ты возвратишься домой, когда возляжешь на ложе, когда в доме твоём будет устроено блистательное освещение и приготовлена роскошная трапеза, вспомни о бедном и несчастном, который, подобно псам, ходит по переулкам во мраке и грязи и возвращается оттуда часто не домой, не к жене, не на ложе, а на кучу сена, подобно псам, лающим всю ночь...”²¹

В то время Константинополь был новым городом, недавно сделавшимся столицей. Это было время надежд, кипения умов и неустоявшихся нравов. Иоанн Златоуст со своими строгими моралистическими проповедями казался старомодным и провинциальным. Этой огромной бурлящей толпе он говорил в той же манере, которая принесла ему славу и любовь в Антиохии.

Первыми недоброжелателями Златоуста стали его подчиненные. Новый архиепископ не устраивал роскошных приемов, как его предшественник Нектарий. Он навел порядок в церковной казне, и большая часть церковных средств стала тратиться на помощь бедным и устройство больниц. Иоанн обрушился с беспощадной обличительной проповедью на богачей: “К чему ты... так гордо выступаешь на торжище? Разве ты ходишь среди зверей, что разгоняешь встречающихся? Не бойся: никто из мимоходящих и приближающихся к тебе не кусается. Но ты считаешь за бесчестие идти вместе со всеми? Как безумно, как странно, – когда близ тебя лошадь, не считать этого бесчестием, а когда человек не прогнан от тебя на тысячи стадий, считать это бесчестием!..”²²

В этом же духе святитель Иоанн Златоуст обличал чрезмерную пышность двора, образ жизни придворных, критиковал злоупотребления властью чиновниками. Обличением пышности женских нарядов и украшений, суетности поведения он привел в раздражение столичных дам, включая саму императрицу Евдоксию. Во главе недовольных стояли три придворные дамы: Марса, вдова военачальника Промота, Кастриция, вдова Сатурнина, и Евграфия, которая, несмотря на преклонный возраст, в церковь всегда приходила с косметикой на лице. Ей Иоанн Златоуст в личной беседе дал понять, что все ее старания скрыть свои годы напрасны.

Императрица Евдоксия не могла сместить неугодного ей архиепископа без созыва церковного собора. И по инициативе императорской четы на вилле императора, называвшейся “Под дубом”, в окрестностях Константинополя, были собраны епископы, недоброжелатели Златоуста. Собор этот так и вошел в историю как собор “Под Дубом”. Обвинения, выдвинутые против константинопольского архиепископа, были не более чем сплетнями, часто смехотворного характера. Златоуст трижды отклонил приглашение явиться на собор, был смещен заочно и выслан из Константинополя. Это вызвало негодование некоторых епископов и простого народа, который был на стороне Златоуста. В столице начались уличные волнения. Во избежание беспорядков несправедливо низложенный архиепископ решил подчиниться и отправился в место ссылки, в Вифинию, неподалеку от Константинополя.

Едва Иоанн отбыл в ссылку, как в столице произошло землетрясение. Императрица Евдоксия увидела в этом знамение гнева небесного на гонение, которому подвергли праведника. Императорским указом Иоанн Златоуст был возвращен на кафедру. Однако вскоре своими обличениями он опять восстановил против себя императорский двор, и 9 июня 404 г.

был арестован и вновь отправлен в ссылку, вначале в город Кукуз в Армении, где он провел два года, оттуда в Пителиунт, или Пициус (так называлась тогда Пицунда), но, не доехав, по дороге скончался в Команах 14 сентября 407 г. Его предсмертные слова – *Слава Богу за все* – остались в дар всем поколениям христиан вплоть до конца времен.

Святитель Иоанн Златоуст был прежде всего церковным пастырем. Фантастический объем его проповеднического наследия и разнообразие тематики делают его проповедничество исчерпывающей энциклопедией христианской веры и нравоучения. Златоуст учил вечным истинам, знание которых он почерпнул из Евангелия. Но его проповедь не была простым пересказом или интерпретацией прочитанного. Златоуст испытал на себе животворящее действие Истины. Писание помогло ему получить непосредственное знание от Бога, знание-общение человеческой личности с Личностью любящего Бога. Из глубины этого собственного опыта он нес свою проповедь. То же Божественное Откровение, которое получили писатели священных книг Библии, стало доступным и ему, и его проповедь сама стала духоносной.

Способ, путь единения с Богом, Златоусту также не требовалось придумывать и изобретать заново. Он был дан Христом на Тайной Вечере. Это – основное дело, объединяющее христиан, – Божественная литургия, Таинство Тела и Крови Господа. Иоанну Златоусту принадлежит редакция евхаристических молитв в наиболее часто используемой в Восточной Церкви Литургии, которая так и называется его именем – Литургия Иоанна Златоуста. Жертва хвалы, приносимая в Евхаристии, объединяет людей между собой и через причащение Тела и Крови Христа соединяет с Богом.

Поэтому главной темой его нравственно-социальной проповеди были ценности истинные, в противоположность ложным. Истинная ценность – это подлинное достоинство человека, которое заключается не в его богатстве или положении в обществе: “Стены обложены мрамором: какое же отношение к человеку, живущему в них? Потолки в золоте: какое отношение к голове хозяина, оскверненной грехами? Пол чист? Но совесть нечиста”²³. Главная задача, которую ставил перед собой Златоуст, это не просто накормить голодных и одеть неимущих. Он возвышал бедняка нравственно, ободрял его, давал ему почувствовать, что тот ничем не уступает по своему человеческому достоинству богачу, окруженному блеском, но может бесконечно превосходить его близостью к Богу.

Познание Бога в личном молитвенном опыте, горячая любовь к людям, проповедь подлинного достоинства человека – все это сделало

творческое наследие Златоуста любимым чтением христиан пятнадцати веков и делает его проповедь необычайно актуальной и сегодня.

Примечания

- ² - М. А. Дронов, 1995
- ³ - Профессор, архимандрит Киприан. Антропология св. Григория Паламы. Париж, 1950, с. 167.
- ⁴ - Фомина М. С. Словарь книжников и книжности древней Руси (далее СКиКДР). Вып. 1. М., 1987, с. 187.
- ⁵ - Творогов О. В. Изборник 1076 // СКиКДР. Вып. 1, с. 186.
- ⁶ - Творогов О. В., Черторицкая Т. В. Златоуст // СКиКДР. Вып. 2. М., 1988, сс. 358–363.
- ⁷ - Аверинцев С. С. Литература // В кн.: Культура Византии IV – первая половина VII вв. М., 1984, с. 293.
- ⁸ - Там же, с. 291.
- ⁹ - Святитель Иоанн Златоуст. Творения. Т. 4. СПб., 1898, с. 399.
- ¹⁰ - Там же. Т. 3. СПб., 1897, с. 403.
- ¹¹ - Попов И. В. Св. Иоанн Златоуст и его враги. Сергиев Посад, 1908, с. 53.
- ¹² - Протоиерей Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. Н.-Й., 1985, сс. 208, 217.
- ¹³ - Stendahl K. Biblical theology // The Interpreter's Dictionary of Bible. V. 1. Nashville, 1962, pp. 420–421.
- ¹⁴ - Аверинцев С. С. Эволюция философской мысли // Культура Византии IV – первая половина VII вв., сс. 66–68.
- ¹⁵ - Попов И. В. Св. Иоанн Златоуст и его враги, с. 67.
- ¹⁶ - Святитель Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11, с. 415.
- ¹⁷ - Там же, т. 5, с. 574; т. 12, с. 925.
- ¹⁸ - Там же, т. 5, сс. 579–580.
- ¹⁹ - Там же, т. 11, сс. 21–25.
- ²⁰ - Там же, т. 5, с. 569.
- ²¹ - Там же, т. 10, с. 107.
- ²² - Там же, т. 10, с. 422.
- ²³ - Там же, т. 5, с. 572.

Содержание

Святитель Иоанн Златоуст, архиепископ	1
Константинопольский протоиерей Михаил Дронов	1
Учитель пятнадцати веков ²	2
Риторическое искусство или служение истине?	5
Пастырь и отец	10
Примечания	18